

ЖИЗНЬ БУДДЫ И ЕЕ УРОКИ

Вдумчивому ученому, исследующему религиозную историю народа, постоянно бросается в глаза один и тот же факт: существует неизменная тенденция к обожествлению всякого, кто возвышается над слабостью обычных людей. Куда ни кинешь взгляд — повсюду видишь: святого, безгрешного мужа возводят в ранг небожителя и поклоняются ему, словно Богу. Пусть при жизни его, возможно, не понимали, поносили и даже преследовали, зато после смерти его почти наверняка ожидает апофеоз: вчерашнюю жертву черни, вознесенную в ранг Небесного Заступника, осаждают слезными мольбами, задабривают обетами, лишь бы она походатайствовала перед Богом о прощении людских грехов. Это — низменная и подлая черта человеческой природы, доказательство невежества, себялюбия, животной трусости и поверхностного материализма. В ней проявляется первичный человеческий инстинкт: подавлять и разрушать всё и всех, кто заставляет людей ощутить их собственное несовершенство, либо, напротив, игнорировать и отрицать само это несовершенство, превращая людей, всего лишь возвысившихся духовно, в богов, чтобы представить их не такими же смертными, как другие люди, а небожителями в человеческом облике.

Этот процесс так называемой эвгемеризации,¹ или превращения людей в богов, а богов — в люлей, иногда, хоть и нечасто, начинается еще при жизни героя, но как правило — после его смерти. Подлинная история его жизни постепенно дополняется и украшается фантастическими происшествиями, дабы соответствовать новому характеру, которым он наделяется после смерти. Отныне его земное воплощение сопровождается знаками и предзнаменованиями: едва появившись на свет, он развивается со сверхъестественной быстротой; еще грудным младенцем или лепечущим малюткой он ошеломляет мудрейших логиков своими божественными познаниями; чудеса он творит так же легко, как другие мальчишки пускают мыльные пузыри; ужасные силы природы для него — лишь игрушки; божества, ангелы и демоны — его обычные слуги; Солнце, Луна и все небесные светила водят веселые хороводы вокруг его колыбели, а сама Земля сотрясается от восторга оттого, что произвела на свет такого чудо-ребенка; в последний же час его земной жизни вся Вселенная содрогается в бурных катаклизмах.

К чему мне тратить эти несколько мгновений, имеющих в моем распоряжении, на то, чтобы расставлять перед вами фигуры различных героев, о которых были написаны эти басни? Довольно будет, если я привлеку ваше внимание к этому интересному факту и предложу вам сравнить жизнеописания брахманического Кришны, персидского Зороастра, египетского Гермеса, индийского Гаутамы и канонического, а особенно апокрифического, Иисуса. Начните с самых древних из них — с Кришны или, если угодно, с Зороастра; переходя дальше, от поколения к поколению, вы увидите, что каждый из них создан по одному и тому же образцу. Реальное действующее лицо совершенно закрыто и спрятано под расшитыми покрывалами, наброшенными на него сказочником и восторженным летописцем. И вот что меня удивляет: те, кто в наши дни пытается изучать и сравнивать

религии, обычно не делают поправки на эту склонность к преувеличению и гиперболизации. Снова и снова с огорчением убеждаешься: и предубежденность враждебных критиков, и яростный фанатизм святош делают людей слепыми к фактам и приводят к вопиющей несправедливости. Позвольте мне привести в качестве примера мифические жизнеописания Иисуса. Ко времени Никейского собора, который был созван для того, чтобы уладить споры между некоторыми епископами и рассмотреть вопрос о каноничности трех сотен более или менее апокрифических евангелий, читавшихся в христианских церквях как боговдохновенные писания, история жизни Христа уже превратилась в абсурдный миф. Некоторые образцы его можно увидеть в дошедших до нас книгах апокрифического Нового Завета, однако большинство их было утрачено. То, что было сохранено в современном Каноне, без сомнения, можно считать вызывающим меньше всего возражений. И все-таки даже это заключение нельзя поспешно принимать на веру, поскольку вам известно, что сам Сабина, епископ Эрахский, говоря о Никейском соборе, утверждает: За исключением Константина и Сабина, епископа Памфильского, это собрание епископов состояло из неграмотных, простых людей, ни в чем не смысливших», — а сказать так — всё равно что назвать его сборищем дураков. А Папп в своем Синодике к Никейскому собору посвящает нас в тайну: его участники составили Канон не путем тщательного сравнения нескольких евангелий, а путем *лотереи*. Он сообщает нам: «Разложив все книги, по которым собору предстояло принять решение, в произвольном порядке под престолом в храме, они (епископы) помолились Господу, чтобы боговдохновенные писания оказались на престоле, а подложные рукописи остались под ним, и *вышло по их желанию*».

Однако, оставив всё это и рассматривая только то, что содержится в сегодняшнем Каноне, мы видим то же самое стремление заставить всю природу свидетельствовать о божественности героя, созданного биографом. Во время Рождества Христова некая звезда покидает свою орбиту и ведет персидских звездочетов к божественному младенцу, а к пастухам приходят ангелы и говорят с ними; целый шлейф подобных небесных явлений сопровождает различные этапы его земной деятельности, которая завершается на фоне землетрясений, завесы тьмы, покрывающей всю сцену, сверхъестественной битвы стихий, раскрывающихся могил, гуляющих по земле покойников и других ужасных чудес. И если искренне верующий буддист допустит, что подлинная история Гаутамы расцвечена подобными абсурдными преувеличениями, и если их точные подобию можно обнаружить в жизнеописаниях Зороастра, Шанкарачарьи и других реальных персонажей древней истории, то разве не имеем мы право заключить, что подлинная история основателя христианства, будь она написана в нашу эпоху, весьма отличалась бы от общепринятых ныне повествований? Мы не должны забывать о том, что в те времена Иерусалим находился под властью Рима, точно так же как сегодня Цейлон (Шри-Ланка) — под властью Британии, и молчание римских историков о столь сильных нарушениях природного равновесия имеет глубокое значение.

Я привел этот пример с единственной и простой целью: убедить тех моих слушателей, кто не исповедует буддизм, в том, что, рассматривая жизнь Шакьямуни и уроки, которые можно из нее извлечь, они не должны возлагать на

его сегодняшних последователей ответственность за нелепые выдумки биографов прошлого. Об учении Будды и его влиянии следует судить совершенно отдельно от его личности, точно так же, как учение, приписываемое Христу, и его влияние должны рассматриваться совершенно независимо от его личной истории. Так и с каждым основателем религии или философской школы: его подлинные дела и слова (как я, надеюсь, показал вам) нужно искать под грудой мишуры и мусора, нанесенных многими поколениями последователей.

Итак, не забывая о необходимости таких предосторожностей, приступим к главному нашему вопросу. Какие же вероятные события в жизни Шакьямуни мы можем обнаружить? Кем был он? Когда жил? Где жил? Как жил? Чему учил? Благодаря самому тщательному сопоставлению авторитетных источников и изучению свидетельств, мы, я думаю, можем установить следующие данные:

1. Он был царским сыном.
2. Он жил за шесть-семь столетий до рождения Христа.
3. Он сложил с себя царский титул и поселился в джунглях, среди самых низких, обездоленных классов, чтобы на собственном опыте познать тайну человеческой боли и страданий; он испытал все строгости индусской аскезы и своей выносливостью превзошел их все; он опустил в глубины всех скорбей в поисках средства облегчить их и наконец вернулся в мир победителем и показал ему путь к спасению.
4. Его учение можно выразить в нескольких словах, подобно тому как аромат множества роз можно дистиллировать в нескольких каплях *аттара*: ничто в мире материи не реально, единственная реальность существует в мире Духа. Освободитесь от тирании первого и стремитесь достичь второго. Преподобный Сэмюэл Бил в своем труде «Catena of the Buddhist Scriptures from the Chinese» описывает это по-другому. «Идея, лежащая в основе буддийской религиозной системы, — говорит он, — попросту такова: всё — суета. Земля — это видимость, Небеса же — пустая награда». Изначальный буддизм был поглощен единственной мыслью — мыслью о тщете конечного существования и о бесценности состояния Вечного Покоя.

Если я имею безрассудство предпочесть собственное определение духа буддийской доктрины, то лишь потому, что считаю: все неправильные представления о ней возникли из неспособности понять, что Будда считал реальным, а что — нереальным, что — достойным желания и стремления, а что — нет. Этим неправильным представлением порождены все необоснованные обвинения, согласно которым буддизм является религией «атеистической», то есть грубо материалистической, нигилистической, пессимистической и способствующей пороку. Буддизм отрицает существование личного Бога — это верно. И поэтому — да, именно поэтому, а не вопреки этому! — его учение не содержит ничего, что можно назвать собственно атеистическим, нигилистическим, пессимистическим или поощряющим порок. Попробую пояснить то, что я имею в виду, и в этом мне помогут достижения современных научных исследований. Наука делит для нас Вселенную на два элемента: материю и силу, сочетанием

которых создаются различные явления и которые обе вечны и подчиняются вечному и неизменному закону. Теории, выдвигаемые людьми науки, вывели их на самый крайний рубеж физической Вселенной. За ними — не только тысяча блестящих побед, благодаря которым у природы вырвана часть ее секретов, но и многие тысячи поражений, которыми измеряются ее глубокие тайны. Ученые доказали, что мысль материальна, ибо она представляет собою выделение серого вещества мозга, а современный немецкий экспериментатор, профессор д-р Йегер, заявляет, что доказал, будто человеческая душа есть «летучий ароматический элемент, растворимый в глицерине». Он дает ей название «психоген», и его эксперименты демонстрируют, что она присутствует не только в организме в целом, но и в каждой отдельной клетке, в яйцеклетке и даже в мельчайших элементах протоплазмы. Едва ли необходимо упоминать в такой образованной аудитории, как ваша, что эти интереснейшие опыты д-ра Йегера находят подтверждение во множестве фактов как физиологических, так и психологических, которые издавна замечались всеми народами; по всему миру факты эти вплетены в народные пословицы и легенды, фольклорные сказания, мифы, богословские теории.

Ну а если мысль и душа материальны, то Будда, признав мимолетность чувственных наслаждений или опыта любого рода и неустойчивость всех материальных форм, в том числе и человеческой души, высказал глубочайшую научную истину. А поскольку сама идея удовольствия и страдания неотделима от идеи материального бытия — лишь один Абсолютный Дух рассматривается всеми по общему согласию как совершенный, неизменный и вечный, — то, распространяя учение о том, что победа над материальным «я», со всеми его вожделениями, желаниями, привязанностями, надеждами, стремлениями и ненавистью, освобождает человека от боли и ведет к нирване, состоянию совершенного покоя, он проповедовал покой безмятежного, безупречного существования в Духе. Хотя душа состоит из такой тончайшей материи, которую только можно вообразить, все же она материальна (это, очевидно, смог доказать д-р Йегер, и это же следует из долгой истории общения человечества с таинственными призраками из мира теней) и должна со временем погибнуть. Остается та неизменная часть человека, которую большинство философов называет Духом, и нирвана является необходимым условием ее существования.

Буддийские мыслители расходятся лишь в одном: достигается ли это нирваническое существование индивидуальным сознанием или же индивидуум поглощается целым подобно погашенному огню, исчезающему в воздухе. Однако есть люди, которые считают, что если пламя задули, то это не значит, что оно уничтожено. Оно лишь перешло из видимого мира материи в незримый мир Духа, где продолжает существовать и где навеки пребудет сверкающей реальностью. Такие мыслители способны понять учение Будды и, соглашаясь с ним в том, что душа не бессмертна, с негодованием отвергли бы обвинение в материализме и нигилизме, будь оно выдвинуто как против этого великого учителя, так и против них самих.

История жизни Шакьямуни — прочнейший оплот основанной им религии. Пока повесть о героическом самопожертвовании, совершенном из чистоты и небесного великодушия, способна тронуть человеческое сердце, оно сохранит память о нем.

Зачем мне вдаваться в подробности этой благородной жизни? Вы помните, что он был сыном царя Капилавасту — могущественного монарха, благодаря своему богатству окружившего наследника царствующего дома всей роскошью, какую только может пожелать сластолюбивое воображение, и что грядущему Будде не было позволено даже знать о страданиях обычного существования, а тем более видеть их. Как великолепно живописал для нас Эдвин Арнольд в поэме «Свет Азии» роскошь и смертельную скуку этого индийского двора, «где узница — любовь, а наслажденья — цепи»! Вот что мы узнаём:

И царь велел, чтоб за стенами теми
Ни слова о старении, о смерти,
О горестях, болезнях и печалях
Никто не смел произнести.
И рано поутру срывали розу,
Что за ночь отцвела, и убирали
Листву опавшую, и всё, что ранит взор.
Ибо сказал владыка: «Если сын мой
Вдали от этих зрелищ возмужает
И избежит пустых и мрачных мыслей,
То потускнеет роковая тень
Его судьбы, для смертных непосильной,
И станет он могучим властелином,
И будет — если только *будет* — править
Бесчисленными царствами Земли.»

Все вы знаете, сколь тщетными оказались все меры предосторожности, принятые отцом, чтобы предотвратить исполнение пророчества о том, что его сыну суждено стать грядущим Буддой. Хотя из царского дворца было изгнано всё, что могло напомнить о смерти, весь город был украшен цветами и яркими флагами и, куда бы ни отправился юный царевич Сиддхартха, всюду убирали с глаз долой всё неприятное, причиняющее боль, — планов судьбы никому не дано было расстроить. Его ухо внимало правде о людских печалях, которую нашептывали «голоса духов», «блуждающие ветры» и дэвы, а когда настал назначенный час, суддха-дэвы околдовали сном всех обитателей дворца, погрузили в глубокое оцепенение стражников (то же самое, как нам говорят, совершил ангел с узниками тюрьмы Петра), распахнули тройные бронзовые ворота, густо устлали дорогу перед конем царевича душистыми цветами могхра, чтобы заглушить стук копыт, — и он оказался на свободе. Да, на свободе! Отказавшись от всякой земной роскоши, от всех чувственных наслаждений, от сладости царской власти, от преклонения придворных, от радостей домашней жизни: драгоценных камней, блеска золота, богатых тканей, изысканных яств, мягкого ложа, от пения искусных музыкантов и запертых в золотых клетках птиц, от журчания благоуханной воды в мраморных водоемах, от восхитительной сени деревьев в садах, где очарование природы усиливалось ухищрениями искусства. Отъехав от дворца на безопасное расстояние, он спешивается, передает украшенные драгоценными камнями поводья верному конюху Чанне, отрезает свои ниспадающие локоны, меняет богатые одежды на платье охотника, погружается в лесные дебри — теперь он свободен:

Лесной тропой шагать неутомимо,
В пыли и прахе обретать ночлег,
Товарищей — среди нищих оборванцев,
Наряд носить, лишь парии пристойный,
И не иметь другого пропитанья,
Чем милосердной данное рукой,
А кров искать не более роскошный,
Чем мрак пещеры или сень деревьев —
Так буду жить теперь, ибо достигли
Ушей моих печальные стенанья
Всего живого на Земле, и жалость
К больному миру наполняет душу;
Его я исцелю, если возможно
Найти лекарство в полном отреченьи.

Так мастерски описывает сэр Эдвин Арнольд чувство, побудившее этого Великого Отрекшегося. Свидетельство миллиардов людей, которые исповедовали буддийскую религию на протяжении последних двух с половиной тысяч лет, доказывает, что благодаря этому Божественному самопожертвованию была наконец раскрыта тайна человеческого страдания и проложена истинная дорога к нирване.

Радость, которой Будда наполнил сердца людей, первым испытал он сам. Он постиг, что удовольствия, доставляемые зрением, слухом, вкусом, осязанием и обонянием, мимолетны и обманчивы: тот, кто придает им значение, получает взамен лишь разочарование и горькую печаль. Общественные различия между людьми, которые он обнаруживал, были точно так же произвольны и иллюзорны: кастовый строй рождает ненависть и себялюбие, богатство же влекло за собою раздоры, зависть и злобу. И, основывая свою религию, он заложил ее фундамент в этой грязи земного мира, а купол вознес ввысь, в прозрачную безмятежность мира Духа.

Тот, кто может подняться до ясного понимания нирваны, найдет эту мысль где-то там, в вышине, над привычными радостями и печальми простого человека. Как взошедший на вершину Чимборасо² или утесы Гималаев взирает на людей на равнине, которые копошатся подобно муравьям, так и ему мелкими, незначительными представляются религиозные фанатики и сектанты. Скалолаз видит у себя под ногами те самые облака, освещенные солнцем, очертания которых вдохновили поэта на фантазии о золотых улицах и сверкающих куполах материальных небес, принадлежащих личному Богу. Под ним — всё то разнообразие вещей, из которых созданы земные пантеоны; вокруг него и над ним — Беспредельность. Вот почему небеса и преисподние, богов и демонов, созданных творцами материалистических религий, буддийский философ изображает в виде различных плато далеко внизу на тропе мысли, ведущей от земли к Бесконечному.

Какие же уроки должны мы извлечь из жизни и учения этого великого героя — царевича Капилавасту? Урок благодарности и великодушия. Урок терпимости к противоположным мнениям людей, которые живут, двигаются, существуют,

думают и надеются только в материальном мире. Урок уз братства, объединяющих все человечество. Урок мужественной уверенности в своих силах, спокойного смирения со всем, что может случиться доброго или злого. Урок того, что вознаграждения — убоги, а злоключения — ничтожны в непостоянном мире иллюзий. Урок необходимости избегать всякого рода злых мыслей и слов, делать, говорить и думать только хорошее и умирять свой разум, чтобы добрые слова и дела не порождались себялюбием и тщеславием. Урок самоочищения и приобщения к идее иллюзорности всего внешнего и ценности внутреннего.

И разве удивительно, если Сент-Илер восторженно признаёт Будду «совершенным образцом всех добродетелей, которые он проповедует» и утверждает, что «его жизнь безупречна»? Разве удивительно, что здравомыслящий, критически настроенный Макс Мюллер³ объявляет его нравственный кодекс «одним из самых совершенных, когда-либо известных миру»? И стоит ли удивляться тому, что Эдвин Арнольд, созерцая его благородную жизнь, нашел его личность «самой возвышенной, благородной, святой и благодетельной в истории мысли» и, вдохновившись ею, создал свою великолепную поэму? Два с половиной тысячелетия прошло с тех пор, как расцвел этот цветок на ниве человечества: кто знает, когда расцветал он раньше?

Гаутама Будда, Шакьямуни, облагородил всё человечество. Его слава — наше общее наследие. Его Закон — это закон Справедливости, обещающий за каждую добрую мысль честное вознаграждение, слово и дело, а за злое — надлежащее наказание. Закон этот находится в гармонии с голосами природы и несомненным равновесием Вселенной. Его невозможно поколебать назойливыми просьбами или угрозами, нельзя ни обмануть, ни подкупить посулами, чтобы изменить хоть на йоту его неумолимый порядок. Мне говорят, что миряне-буддисты суетны в своем поклонении, а милостыню раздают лишь напоказ, что они поощряют сектантство так же усиленно, как и индулы. Тем хуже для мирян: ведь перед их глазами — пример Будды и его Закона. Мне говорят, что буддийские священники — невежды и бездельники, которые потворствуют предрассудкам, привитым этой религии чужеземными царями. Тем хуже для священников: пусть они, вспомнив о жизни своего Божественного Учителя, устыдятся и поймут, что недостойны носить его желтые одеяния и его сосуд для милостыни. Есть Закон — неумолимый, грозный; он отыщет их и покарает.

А что скажем мы людям другого склада — смиренным, милосердным, терпимым, богобоязненным душам среди мирян и бескорыстным, чистым и образованным священникам, которые знают заповеди и хранят их? Закон отыщет и их; и когда каждая книга жизни будет дописана и итог ее подведен, всякий добрый помысел или поступок окажется занесенным в нее на своем надлежащем месте. Ни одно слово благословения, произнесенное им вослед благодарными устами за все время их земного паломничества, не будет потеряно, но каждое поможет облегчить им восхождение по ступеням Бытия

В нирвану, где Безмолвие живет.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА

1. От слова эвгемеризм — рационалистической доктрины, объясняющей происхождение религии посмертным или прижизненным обожествлением знаменитых или наделенных властью людей, названной по имени древнегреческого философа IV в. до н. э. Эвгемера, автора утраченного утопического романа «Священная запись».

2. Чимборасо — потухший вулкан на восточном склоне Западной Кордильеры Анд Эквадора. Высота 6267 м.

3. Мюллер Макс (1823–1900) — видный английский филолог-востоковед, специалист в области общего языкознания, индологии, мифологии и сравнительного религиоведения; автор огромного числа переводов и теоретических трудов.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

